

Куйбыра. - 1993. - 6 нояб. - с. 12.
Ох, Леха, Леха!

Простая пестрая рубашка, ничем не примечательные светлые брюки, просторные сандалии — передо мной одна из «звезд» русской попсы, саратовский киоскер **Юрий Дружков**.

— Юра, ты стал по-настоящему популярен совсем недавно, хотя твои песни поют уже много лет, с чем это связано!

— В нашей стране очень трудно «сберечь» интеллектуальную собственность. Меня узнали только после ухода Апиной из «Комбинации», а до этого практически все, что делал я, присваивал себе Шишинин, хотя он был таким же поэтом, как я президентом Кыргызстана. И я ничего не мог поделаться — меня просто никто не желал слушать.

— А когда ты все-таки понял, что популярность настала!

— Ехал я однажды в электричке, напротив меня сидела молодая женщина с ребенком. Она укачивала малыша и вместо колыбельной пела ему: «Леха, Леха, мне без тебя так плохо!» Вот тогда я и подумал: да, это настоящая популярность.

— И как ты себя чувствуешь в роли одной из самых ярких фигур в мире поп-музыки!

— Сначала, конечно, нравилось. Но сейчас я устал от своей славы, и даже, наверное, уже не хочу быть известным. Меня узнают на улице, тычут пальцем, кричат — я давно стараюсь не ходить по центру города. Все это меня удручает, ведь на самом деле я скромный, у меня тонкая, ранимая душа, а они этого не чувствуют. Да и вообще — такие вещи, портят поэта. Он должен быть «чистым». У меня, например, слово «поэт» ассоциируется со словом «пот», то есть поэт — это человек, который выжимает из себя все.

— Юра, не кажется ли тебе, что такие тексты, как «Вишневая девятка», «Ксюша», все-таки нельзя назвать настоящей поэзией!

— Да, конечно. Но как ни парадоксально, имя легче сде-

Юрий Дружков:

И с каждой осенью я расцветаю вновь...

лать именно на таких вещах. Глубокие стихи мало кому нужны и интересны, потому что никто не хочет над ними задумываться, — наблюдается какая-то деградация. И мне как автору очень обидно — я чувствую, что могу больше. А ведь по текстам судят и обо мне. Я ж на самом деле вовсе не такой веселый, каким кажусь. Мой знак зодиака — Весы, а все Весы, в общем-то, в глубине души — пессимисты. Я осенний ребенок, у меня и творческий подъем всегда бывает только осенью. А летом я очень часто захожу в тупик. Иногда невольно вспоминается, что так же было и у Пушкина.

— Славные параллели, ничего не скажешь! А бывает ли так, что пишешь «на заказ»!

— Конечно. Певцы часто просят меня написать что-то специально для своего репертуара — например, сейчас Ветлицкая хочет сделать вместе со мной несколько хитов. Но я никогда не пишу неискренне и просто не могу схалтурить.

— Прислушиваешься ли ты к критическим замечаниям в свой адрес! И чье мнение особенно ценишь!

— Один из московских журналистов как-то поинтересовался, собираю ли я «плохую» критику на себя. «А что, есть и плохая?» — спросил я. Это, разумеется, шутка. Но скажу без ложной скромности: практически ничего отрицательного о своих стихах не слышал. Сейчас в нашей попсе песня от Дружкова — как платье от Славы Зайцева. Со мной работают такие «звезды», как Апина, Овсиенко, Евдокимов, Кирков, сотрудничают группы «Нана» и «Комбинация». Мы целые программы делаем. А чье мнение ценю? Очень было приятно благожелательное высказывание обо мне такого мэтра, как Лариса Рубальская. Безусловно, лестно и то, что высоко отозвался о «Ксюше» Леонид Дербенев.

— Какую музыку ты слушаешь и какие стихи читаешь для души!

— Люблю «Битлз», медляки «Скорпов», из наших — «Веселых ребят» времен Буйнова, «Воскресенье». Читаю Маяковского, Волошина, Хармса. Возможно, по крайней мере, мне много раз это говорили, мои тексты развивают хармсовский

стиль — шутки, частушки.

— А сам ты считаешь себя приверженцем какой-нибудь школы, направления!

— Я стараюсь продолжать традиции русского поволжского фольклора — недаром все-таки живу в Саратове.

— Ты не собираешься сейчас на волне славы заняться чем-нибудь еще, кроме сочинения песен!

— Мне предлагают открыть свой центр, но я, видимо, откажусь. Я человек творческий.

— Юра, на прощание прочитай, пожалуйста, что-нибудь новое, из «неопубликованного».

— Пожалуйста. Вот самое последнее, четыре строчки всего. Просто я как-то посмотрел на небо, и вдруг они появились. На себя я примерю дождь, На тебя я примерю тучу, Ну, скажи мне, чего ты ждешь, Ну скажи, ты, зачем меня мучишь...

— Ну...

Н. ТЕБЕЛЕВА.

Нет, что бы там Юра ни говорил, он все-таки определенно веселый человек!

Фото А. Батуева.

